

ФОНОЛОГИЯ

А.С. Нилогов

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВА / АНТИСЛОВА

Аннотация. В статье поднимается проблема онтологического статуса слова / антислова, под которым понимается то, каким образом и в каком качестве существует слово в естественном человеческом языке. Данная проблема рассматривается в перспективе методологического обоснования такой новой дисциплины на стыке лингвистики и философии, как философия антиязыка. Предметом философии антиязыка является изучение оснований и пределов семиотической номинации на человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антиязыка. Лексикон антиязыка составляют классы антислов. В работе применяется антиязыковой метод, заключающийся в выявлении частично или полностью неязыкообразующих единиц, которые заносятся в соответствующие классы антислов. В качестве примеров проблематизации онтологического статуса слов использованы инвариантные языковые единицы, которые применяются в языкознании для обозначения неизменяющихся «лингвистических атомов» по отношению к изменяющимся вариантам.

В результате проведённого исследования названия для инвариантных речевых и языковых единиц были номинированы в качестве антислов, которые отсутствуют в обычном естественном языке, но очевидным образом присутствуют в антиязыке. Конкретно были определены следующие классы антислов: инвариантологизмы (для названий абстрактных языковых единиц – например, фонем) и варианттологизмы (для названий абстрактных речевых единиц – например, аллофонов фонем).

Ключевые слова: философия языка, философия антиязыка, Чикобава, Солнцев, фонема, инвариантность, онтологический статус, онтологический статус слова / антислова, Инвариантологизм, варианттологизм.

Abstract. In his article Nilogov touches upon the problem of the ontological status of word/antiword which he understands as the manner and capacity in which the word exists naturally in human language. The topic is viewed from the point of view of methodological substantiation of philosophy of antilanguage as a new discipline created at the confluence of linguistics and philosophy. The subject of philosophy of antilanguage is the grounds and boundaries of a semiotic naming in human language as well as the dependence of the cognitive process on antilanguage. Antilanguage vocabulary consists of classes of antiwords. In his research Nilogov has used the antilanguage method which implies determination of partially or fully unspeakable units. These units are referred to particular classes of antiwords. As the examples of problematisation of the ontological status of word the author has used invariant language units that are used in language studies to denote unchanging 'linguistic atoms' versus changing variable units. As a result of the research, Nilogov has considered invariable speech and language units as so called antiwords. These antiwords are absent in natural language but obviously exist in antilanguage. Particularly, the author has defined the following classes of antiwords: invariantologisms (that are used to give name to abstract language units such as phonemes) and variantologisms (that are used to give name to abstract speech units such as phoneme allophones).

Key words: ontological status of word/antiword, ontological status, invariance, phoneme, Solntsev, Chikobava, philosophy of antilanguage, philosophy of language, invariantologism, variantologism.

Все инновации семиотического плана оправданы, в конечном счёте, только там и тогда, когда они оказываются полезными для нашего постоянного взаимодействия с онтологией. <...> ...все усовершенствования семиотической реальности иницируются изначально онтологическими соображениями и что последние предъявляют нам окончательный счёт, не может отнять у нас пусть ограниченную, но столь притягательную возможность действовать внутри семиотической реальности относительно свободно и с огромным

наслаждением. Ибо именно в ней мы можем почувствовать себя людьми в полном смысле этого слова, существами, в какой-то мере освободившимися от непрерывной силы тяжести, постоянно притягивающей нас к Земле.

А.Б. Соломоник [1]

В данной статье мы бы хотели поднять такую лингвофилософскую проблему, как онтологический статус слова. В теории языкознания эта проблема может подниматься только косвенно в силу

специфики лингвоцентризма. Это не проблема лексикологии или лексикографии, а исследовательская область философских оснований самой лингвистики, которая до этого лучше всего решалась в рамках такой философской дисциплины, как философия языка, а её частным случаем можно назвать русскую традицию философии имени (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев). Философия лингвистики (например, в изводе французского лингвиста Г. Гийома) максимально близка нашей попытке нового истолкования концептуальных основ, прежде всего – в качестве такого философского учения, как философия антиязыка.

Философские основания лингвистики (или лингвистических учений), а также наличие в списке дисциплин по сдаче аспирантского экзамена на соискание кандидата филологических наук «Истории и философии лингвистики» (или «История (и методология) языкознания»), расширили современные возможности по установлению более тесных дисциплинарных связей между лингвистикой и философией. Не сводя, как делали логические позитивисты и ранний Л. Витгенштейн, все философские (метафизические) проблемы к неправильному использованию естественного языка (ср. граффити: «Никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить истину» [2]), мы настаиваем на тезисе о том, что онтологические проблемы взаимно фундированы гносеологическими проблемами, так как все они насквозь пронизаны естественным языком, а в горизонте философских со-бытий – языком бытия, в котором лингвистика и философия (как хайдеггерянский-выверенная онтология) отождествляются, чтобы, в конечном счёте, растождествиться (различиться). Если язык есть гносеология (способ познания) бытия, а онтология (как учение о бытии) выражается языком (по сути гносеологией как одним (если не единственным!) из способов познания), то связь между ними очевидна.

Лингвистика как по преимуществу гносеология в отличие от философии как по преимуществу онтологии не может самостоятельно поставить вопрос об онтологическом статусе тех средств, с помощью которых она познаёт лингвистические факты в виде конкретных языковых единиц.

Конечно, поднимаемые нами проблемы можно решать и в рамках такой дисциплины, как «Философские проблемы языкознания», где как раз рассматриваются «проблемы, касающиеся наиболее общих, конститутивных свойств самого языка, проявления в языке (и в процессе его изучения) предельно общих свойств (черт) объективного мира, общих закономерностей развития природы, общества и познания, а также лингвистические пробле-

мы, так или иначе связанные с решением основного вопроса философии» [3, с. 545]. Однако, как писал Чикобава, «из всех научных дисциплин, изучающих «естественный язык» (философия языка, психология языка, физиология речи, социология языка, кибернетическая, или вычислительная, лингвистика), для языкознания особенное, значение имеет «философия языка»: именно она оказывала и оказывает влияние на языкознание вообще, на понимание предмета лингвистики в частности.

Не имея возможности подробно останавливаться на данном вопросе, скажем лишь: теория языка в лингвистике во многом определяется теорией языка в философии и поныне» [4]. В своей статье «Язык и «теория языка» в философии и лингвистике» (ср.: [5, с. 524–529]) советский лингвист отмечает огромное влияние философии как в деле определения предмета языкознания (методологический и гуманитарно-филологический аспекты; соответственно: объект языкознания – всё языковое, языковое как таковое – языковость) – языка и его теории, так и в вопросе об отраслевом составе науки о языке (филологический аспект), а также о месте языкознания в системе наук (номенклатурный аспект). А.С. Чикобава пишет: «Поясним на одном примере, какое внимание может уделяться языку в философской концепции и какие вопросы языка могут при этом ставиться.

В 1690 году вышел «Опыт о человеческом разуме» («An Essay concerning Human Understanding») Джона Локка, посвященный коренному вопросу теории познания – роли «опыта» в познании (русский перевод А.И. Савина издан в 1898 году в Москве, 736 стр.).

Из пяти книг, то есть разделов, на которые делится «Опыт», «книга третья» (стр. 396–524) посвящена «языку» («О словах, или О языке вообще», «О значении слов», «Об общих терминах», «Об именах простых идей...», «О несовершенстве слов», «О злоупотреблении словами...»).

Такие положения Джона Локка, как «Рассуждение о словах необходимо для познания» (стр. 581), «Общие истины доступны пониманию только в словесных предложениях» (стр. 582), дают ясное представление о том, что язык, его характеристика служат средством для решения философского вопроса (о сущности познания).

Естественно, анализ слов, их семантическая характеристика представляет бесспорный философский интерес.

Любопытно отметить, что, касаясь классификации («разделения») наук, Джон Локк выделяет три разряда: I – Physica («естественная философия»), II – Practica (где всего больше значения имеет этика) и III – Семиотика (semiotike), или «учение о зна-

ках». «И так как, – пишет Дж. Локк, – наиболее обычные знаки – слова, то её довольно точно называют ещё «логика». Задачи логики, – продолжает Джон Локк, – рассмотреть природу знаков, которыми душа пользуется для уразумения вещей и для передачи своего знания другим... И так как сцена идей, образующая человеческие мысли, не может быть открыта непосредственному зрению другого и не может быть сложена нигде, кроме памяти, хранилища не очень надёжного, то, чтобы сообщать наши мысли друг другу, а также припоминать их для собственного потребления, становятся необходимыми знаки и для наших идей. В качестве таковых всего удобнее оказались и потому всего употребительнее членораздельные звуки» («Опыт о человеческом разуме», стр. 735–736).

«Слова – знаки», «Семиотика – учение о знаках...» – это пишется в 1689 году, и пишет философ, а не специалист языка» [4].

В этой историко-философской заметке А.С. Чикобава признаёт роль философов в освещении проблемы сущности человеческого языка. Впрочем, само осознание того факта, что многие философские проблемы могут зависеть от неправильного употребления естественного языка, пришло к философам лишь в начале XX в., когда оформилось такое направление, как логический позитивизм. И сегодня уже никого нельзя удивить лингвоцентризмом мировой философии. Но этот факт не означает, что философия стала служанкой лингвистики (в рамках «глоссемантики») или лингвистика – служанкой философии (в рамках «лингвософии»). Несомненно то, что роль в изучении природы языка перешла к философии – в особенности в творчестве немецкого философа Мартина Хайдеггера, который совершил фундаментальный лингвистический поворот к бытию.

Несмотря на то, что Хайдеггер высказывается о языке как о доме бытия, тем не менее, вопрошание об онтологическом статусе подручных языковых единиц (и о языке в целом, в том числе о «языке бытия») остаётся отнюдь не риторическим: «В конце концов философское исследование должно решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть «мёртвым»? Что значит онтологически, что язык растёт и распадается? У нас есть наука о языке, а бытие сущего, которое она имеет темой, туманно; даже горизонт для исследующего вопроса о нём загорожен. Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью «мирны», размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу «пространственны», или это «эмпирическое обстоятельство» экзистенциально-он-

тологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придётся отказаться от «философии языка», чтобы спрашивать о «самих вещах», и оно должно привести себя в состояние концептуально прояснённой проблематики» [6, с. 193–194].

Чтобы, наконец, понять, о каком онтологическом статусе и о каких языковых единицах, идёт речь, попробуем определить эти термины (онтологический статус, онтологический статус слова / языковой единицы).

Вопрос об **онтологическом статусе** – это также вопрос о том, каков смысл слова «существует» в применении к тому или иному объекту. Под онтологическим статусом будем понимать то, *каким образом существует* та или иная вещь: реально (актуально) или виртуально (потенциально). Удивительно то, что в словарной и энциклопедической философской литературе мы не нашли полноценного определения понятия «онтологический статус». Поэтому нам пришлось самостоятельно составлять дефиницию, оперируя понятиями «статус» и «онтологический» [7, с. 637–638; 8, с. 9–10]. Проблема онтологического статуса также связана с тем, *в каком качестве существует* та или иная вещь: самостоятельно (непосредственно, аутентично, подлинно) или несамостоятельно (опосредованно, неаутентично, неподлинно).

Под онтологическим статусом слова (соответственно) будем понимать то, **каким образом и в каком качестве существует слово в естественном языке**. Другими словами, является ли слово – словом или антисловом? Способно ли слово полностью воязыквляться, а если только частично, то каковы пределы такого воязыквления? Сподручно ли слову быть именно словоформой, а не псевдословом? Как слова разъязыквляются? Для поиска ответов на эти вопросы проанализируем онтологический статус некоторых языковых единиц, благодаря которым впоследствии обоснуем необходимость новой философско-лингвистической дисциплины – **философии антиязыка**.

Возьмём в качестве хрестоматийного примера так называемые инвариантные языковые единицы, которые используются в языкознании для обозначения неизменяющихся (константных) «лингвистических атомов» по отношению к изменяющимся вариантам. Согласно энциклопедическому словарю «Языкознание» под инвариантом полагается «абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от её конкретных модификаций – вариантов» [3, с. 80–81; 9, с. 60–61]. Существуют две трактовки вариативности в теории языка: первая понимается как оппозиция нормы и варианта (варьирования как модификации нормы или отклонения от неё).

Тогда под вариантом «понимаются разные проявления одной и той же сущности, например, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остаётся сама собой» [3, с. 80]. Вторая трактовка развивает и углубляет первую, вводя в лингвистику общие принципы теории инвариантности / вариантности.

«Вариантно-инвариантный подход к явлениям языка утвердился первоначально в фонологии (после работ Пражского лингвистического кружка и ряда других лингвистических школ). Под вариантами стали понимать разные звуковые реализации одной и той же единицы – фонемы, а саму фонему – как инвариант. Из фонологии этот подход был перенесён на изучение других уровней языка. Два ряда терминов – эмические и этические – используются для обозначения: первые – для единиц-инвариантов (фонема, морфема, лексема и т.д.), вторые – для единиц-вариантов, то есть для конкретных реализаций единиц-инвариантов (фон, или аллофон, морф, или алломорф, лекса, или аллолекса, и т.д.)» [3, с. 81].

Например, возьмём гласную фонему <a>. Её вариантами в русском языке могут быть такие аллофоны, как [á], [a], [â], [ã], [α], [à] и др. (см. также: [10, с. 491–498]). Нас в данном случае интересует онтологический статус языкового, а конкретно – речевого, выражения фонемы <a> в русском языке. Когда мы произносим словосочетание «фонема <a>», то с точки зрения лингвистической инвариантности (абстрактности – в философии) мы не произносим (в чистом виде) фонему <a>, потому что произнести инвариантную единицу нельзя, а довольствуемся исключительно её вариантами – например, аллофоном [á]. Но тогда каков статус этой языковой инвариантной единицы? Какое место прописки она занимает в нашем языке? Что, собственно говоря, мы произносим, когда говорим: «Фонема <a>»?

Статус такого «инвариантного» произношения фонемы <a> – антиязыковой, а применительно к данной разновидности – антисловный, то есть соответствующий определённому классу антислов, который мы называем **инвариантологизмами**. Дадим этому термину следующую дефиницию: инвариантологизмы – это название для одного из классов антислов, которые являются названиями инвариантных языковых единиц. Если мы продолжим наше снисхождение с инвариантных высот и остановимся на конкретном варианте – аллофоне [á], который при одиночном произношении всегда находится под ударением, то даже конкретная реализация фонемы <a> в русской речи в виде аллофона [á], будучи с точки зрения лингвистической онтологичности (бытийности) «словом» (на манер названий букв русского алфавита, которые являются именами существительными среднего рода), также по своей сути будет

антисловной, так как конкретное произношение [á] будет осуществлено конкретным носителем русского языка, то есть необразцовым способом, так как формантные (акустические) различия [á] у разных носителей будут незначительно, но всё-таки отличаться, а у иностранцев – определён с акцентом в результате наложения родной фонетической системы на неродную. Таким образом, даже вариантная (конкретная) реализация фонемы <a> в русской речи в виде аллофона [á] не является таковой вследствие того, что экспериментально чистый (ср.: [3, с. 23]) аллофон [á] – тоже абстракция, но нижнего (второго) уровня, а в нашей терминологии – антислово, которое составляет (пассивный – в силу малоупотребительности) **антисловарный запас антиязыка**. Каждый раз мы имеем дело не с аллофоном [á], а с фоном (фоной) / phone [á] (вариантом варианта, а в философской терминологии – с симулякром, копией копии в отсутствии оригинала), оригиналом которого можно считать формант / форманту [á] – акустическую характеристику (прежде всего для гласных), связанную с уровнем частоты голосового тона, образующую тембр звука и измеряемую в герцах [11].

Ещё раз сформулируем проблему онтологического существования инвариантных языковых и речевых единиц в лингвистической теории. Но прежде процитируем соответствующую статью из энциклопедии «Языкознание», посвящённую языковой / речевой вариантности: «В понятии инварианта отображены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами. **Сам инвариант не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон, не «образцовый вариант».** Инвариант – сокращённое название класса относительно однородных объектов. Как название инвариант имеет словесную форму существования [жирный наш. – А.Н.]. Каждый вариант-объект, принадлежащий данному вариантному ряду, несёт в себе инвариантные свойства, присущие каждому члену этого ряда, и может быть оценён как «представитель» данного инварианта. Так, классы фонетически сходных и функционально тождественных звуков в каком-либо языке ($a^1, a^2, \dots, a^n, k^1, k^2, \dots, k^n$) представляют собой вариантные ряды, сокращённые названия которых – «фонема А», «фонема К» и т.д. – являются инвариантами по отношению к своим конкретным реализациям – вариантам. По каждому из вариантов можно судить об инварианте благодаря присущим ему инвариантным свойствам. В то же время инвариант и вариант принципиально негомогенны. Например, фонема А в отличие от фонон (аллофонон) **непроизносима, поскольку является абстрактным названием класса** [жирный наш. – А.Н.]. При попытке произнести «фонему А» мы произносим один из её

вариантов – конкретный звук «а¹», «а²» или «аⁿ». **Понятие инварианта – классификационное средство упорядочения языкового материала** [Жирный наш. – А.Н.]» [3, с. 81].

Остановимся на этом пункте для того, чтобы пару слов сказать о преимуществах разрабатываемой нами антиязыковой методологии. Она распространяется на все вещи независимо от степени их семиотической номинации, чтобы поименовать их способом не в ущерб веществу, которое в некоторых случаях вообще лишено *номинозиса*. Поэтому антиязыковая методология в отличие от феноменологической методологии занимается такой реконструкцией картины мира, в которой проблематизируется то, что не может быть выражено естественным языком – например, при дескрипции феноменов сознания (феномен фонемы в сознании лингвиста). Недостаточно воссоздать феноменологический облик того или иного события (явление фонемы лингвисту), когда за редукционными скобками оказываются неязыковляемые вещи (собственно фонема).

Если антиязык как семиотическая система предполагает радикальное переосмысление *семиотичности* – например, структуры знака, то антиязыковая методология [12, с. 54] может претендовать на дескриптивную монополию в отношении всех семиотических систем, каждая из которых фундирована собственным семиотическим бессознательным, или «антиязыком»: «...не все понятия, которыми оперирует та или иная теория, могут быть объективно выражены в подвергаемой тематизации сфере. Новая философия в значительной мере пользуется предшествующим языком, и в этом источник неизбежных недоразумений» (Финк в пересказе Рикёра [12, с. 246]). Антиязыковая методология настаивает на том, чтобы видеть за семиотичностью те несемиотические артефакты, которые могут составить целый пласт если не постсемиотики (по аналогии «структурализм – постструктурализм»), то хотя бы протосемиотики, в чьих недрах может залегать *антисемиотическая антиязыковость* (ср.: [13, с. 178, 188]).

В качестве методологического задела для нашей философско-антиязыковой критики процитируем другую статью лингвиста В.М. Солнцева «Вариативность как общее свойство языковой системы», в которой поднимается проблема онтологического статуса инвариантов (как таковых языковых и речевых единиц): «Единицы языка, например, фонема, морфема и слово (лексема) по сути дела представляют собой краткие наименования множеств реальных экземпляров, в виде которых они существуют. Сокращенно обозначая эти множества, указанные единицы (как и другие единицы)

суть абстракции, а не чувственно воспринимаемые конкретные объекты. **Фонему, морфему и слово как таковые ещё никто никогда не слышал и не произносил. То же относится и к отдельным фонемам, морфемам и словам (ср., например, «фонема А», «морфема красн-», «слово дом»).** Произносят и слышат лишь один из конкретных вариантов (экземпляров) «фонемы А», «морфемы красн-», «слова дом» [Жирный мой. – А.Н.]. Здесь мы имеем дело с положением, аналогичным описанному Ф.Энгельсом в полемике с ботаником Негели: «Это точь-в-точь как указываемое Гегелем затруднение насчёт того, что мы можем, конечно, есть вишни и сливы, но мы не можем есть *плод*, потому что никто ещё не ел плод как таковой» [9]. Продолжая изложенную здесь мысль, укажем, что можно есть только конкретные вишни и сливы, но не «вишню вообще» или «сливу вообще», которые в свою очередь суть абстракции по отношению к конкретным вишням и сливам, хотя и меньшей степени обобщения, чем плод как таковой» [14, с. 34].

Однако далее В.М. Солнцев усугубляет положение дел, на протяжении всей статьи упорствуя в упрощении сложной (анти)языковой реальности: «Особенность словесных единиц, (как слов обиходного языка, так и научных терминов) состоит в том, что мы одним и тем же словом можем обозначить и абстракцию (плод вообще), и чувственно воспринимаемый конкретный предмет (конкретный плод вишни, сливы, яблони и т.д.). Термин «морфема» мы можем использовать, когда говорим о членении конкретного слова на значимые части. Так, мы говорим о морфемном составе слова *учи-тель-ни-ца*, хотя, как известно, реальное слово состоит из морфов (алломорфов). Аналогично мы говорим о фонемном составе звуковой оболочки конкретного слова, хотя она состоит из фонов (аллофонов) или из реальных звуков и т.д. При необходимости мы, конечно, можем прибегнуть и к «этической» терминологии. Возможность один и тот же объект обозначить как «эмическим», так и «этическим» термином, отражает тот факт, что вариант, или экземпляр языковой единицы, есть форма её реального бытия. Вариант фонемы – это не что иное, как конкретная фонема, а вариант морфемы – конкретная морфема и т.д. О.С. Ахманова в своё время отмечала, что «...фонема и вариант в известном смысле представляют собой одно и то же: один и тот же звук, видоизменяющийся в зависимости от условий его функционирования в речи» [10]. Использование слова или термина, обозначающего по своей природе абстракцию, понятие о множестве конкретных объектов для обозначения одного из конкретных объектов Ш. Балли называет актуализацией. В метаязыке лингвистики для обозначения абстракций используются, как

уже указывалось, эмические термины, а для обозначения конкретных объектов, множества которых отображены в этих абстракциях, используются этические термины. В то же время метаязык лингвистики, обладая всеми свойствами человеческого языка, может, не прибегая к «алло-эмической» терминологии, актуализировать эмические термины и обозначать ими конкретные сущности, как это мы видели выше» [14, с. 35].

С нашей точки зрения, смешение эмических и этических терминов лежит в плоскости неразличения лингвистами языка и антиязыка. Особенно наивными слышатся слова лингвистов о том, что можно абракадаброй (эмическим термином) назвать гложую куздру (этический термин), то есть непонятно чем назвать неизвестно что (в случае с гложой куздрой – самый крайний вариант словоупотребления). Если сами лингвисты, не всегда следят за своим языком и речью, путая инвариантные и варианты единицы языка и речи, то чего можно требовать от посредственных носителей того или иного естественного языка, чья языковая (не)компетентность обрастает когнитивной (не)компетентностью, которые, одна дополняя другую, приводят к смешению онтологических и онтических проблем?. Особенно на этом фоне неразличения эмических и этических терминологий умиляют рассуждения отечественного лингвиста О.С. Ахмановой о том, что инвариантная и вариантная единицы представляют собой одно и то же. Данная проблема носит логико-гносеологический аспект и не решается на манер отождествления лексических значений, но никак не словарное определение «толкующего характера» (толки толп лексикографов, толкующих, словно толмачи, букварные значения слов). В этой связи хорошо бы отечественным языковедам познакомиться с философией немецкого мыслителя Мартина Хайдеггера, который в своём фундаментальном труде «Бытие и время» привёл феномен толков как пример несобственного (неаутентичного) способа существования человеческой речи: «В меру средней понятности, уже лежащей в проговариваемом при самовыговаривании языке, сообщаемая речь может быть широко понята без того чтобы слушающий ввёл себя в исходно понимающее бытие к о-чём речи. Люди не столько понимают сущее, о котором речь, сколько слышат уже лишь проговариваемое как такое. Последнее и понимается, о-чём лишь приблизительно, невзначай: люди подразумевают *то же самое*, потому что все вместе понимают сказанное в *той же самой* усреднённости».

Одновременное говорение на эмических и этических терминах, по нашему мнению, приводит к тому, что не просто смешиваются разные по своей онтологической природе языковые пласты, постав-

ляя нашему узусу своеобразный микс из языка и речи («языкоречь» или «речезык»), а легкомысленно не *умозреается* проблема существования огромной антиязыковой реальности. Между тем, не отождествляя антиязык и метаязык, а включая последний в постулируемый нами антиязык, мы вынуждены основательно настаивать на разграничении языковых и антиязыковых терминов и вытекающих из них онтолого-гносеологических проблем как философии языка / антиязыка, так и общей лингвистики.

Точка зрения В.М. Солнцева конкретизируется в следующем пассаже: «Во многих работах говорят не только об эмических и этических терминах, но и об эмических и этических единицах, которые распределяют по разным уровням [11]. Если понимать уровни **в онтологическом смысле** [жирный наш. – А.Н.], а не как «уровни рассмотрения» [12], то разносить эмические и этические единицы по разным уровням неправомерно. Эмические единицы – это абстракции, представляющие собой краткое название классов конкретных экземпляров (a¹, a², a³, a⁴. . .), принадлежащих одному уровню и обозначаемых этическими терминами. Поэтому фонема и фон, морфема и морф и т.д. это не единицы разных уровней, а одна и та же единица, рассматриваемая то как абстрактная сущность – инвариант (сокращенное обозначение класса), то как конкретная единица – вариант (член и представитель класса)» [14, с. 35].

Проблематизация онтологического уровня языковых и речевых единиц, в целом, поставлена В.М. Солнцевым верно. Отраднее то, что некоторые лингвисты осознают существование самой проблемы, лежащей в основе парадигмальности любой семиотической системы. Однако только семиотики могут радикально (сверхонтологически?) поставить вопрос о статусе прописки инвариантов как абстракций в (анти)языковой системе. Например, воспользуемся цитатой из статьи современного израильского семиотика А.Б. Соломоника: «...правила, по которым работают механизмы в онтологии, заложены не нами и не совпадают с правилами, которые люди выработали для той или иной знаковой системы. Правила семиотических систем настолько отличаются от онтологических, что для их реализации нам приходится специально выдумывать знаки, которым не находится соответствий в феноменологическом мире: знаки функциональные; знаки средних величин; иррациональные, мнимые или комплексные числа в математике и др. Интересно отметить, что любая знаковая система в ходе своего функционирования начинает эволюционировать в сторону все большей абстрактности и расширения зазора между собой и онтологией, которую она призвана отражать. <...> При этом они [люди. – А.Н.]

всё больше удаляются от той реальности, которую системы моделируют, и вводят в них элементы, которых нет и быть не может в онтологии, элементы, специально предназначенные для усовершенствования системы и одновременно для лучшего представления онтологии с её помощью. Так, отодвигаясь и абстрагируясь от онтологической реальности, знаковые системы парадоксально совершенствуются в своих возможностях эту самую онтологию обслуживать» [15] (см. также: [16, с. 162–176]).

Если антиязык ставится на место инвариантного языка, отнюдь не коррелирующего с идеальным языком, то в качестве достаточной аргументации можно привести тезис о том, что антиязык не столько предшествует бытию языка, сколько сосуществует с небытием языка, а следовательно, нахождение истока антиязыка тщетно даже после смерти всех языков, наряду с которыми антиязыку отводится роль посредника между бытием и небытием, несмотря на то, что с позиции семиотики невозможно отказаться от первоначала – каким бы субстратом оно ни наделялось (ср.: [12, с. 158]).

Антиязык можно определить как всесубстратный язык для именованной вещи без исключения, выступающий не столько посредником между разными языками, сколько провокаторм для поиска универсального языка номинации. Критика лингвистического разума заключается в том, чтобы показать языковые издержки при обращении с вещами, именование которых приблизительно с точки зрения их вещественности; то, что не поддаётся номинации на естественном языке, не означает, будто вещь должна быть поименована суррогатным образом, а свидетельствует о том, что, будучи непоименованной, вещь становится частным случаем забвения бытия.

В.М. Солнцев пишет: «Противопоставленность эмических и этических терминов нередко связывают с противопоставлением языка и речи. Считают, что речь состоит из этических единиц, а язык из эмических. Если перефразировать это утверждение, то можно сказать, что речь состоит из вариантов, а язык из инвариантов. В этом утверждении имеется нечто бесспорное и нечто весьма сомнительное. Бесспорно то, что речь вариантна по своей природе. Если вспомнить сосюррианский принцип линейности речи и сопоставить его с принципом экзemplарного существования всех единиц языка, то становится очевидным, что одно место в речевой цепи может быть занято лишь одним экзemplаром, то есть вариантом. (Нельзя на одно место в речевой цепи одновременно поместить два разных варианта фонемы, или два разных морфа, объединяемых в одну морфему.) **Но верно ли считать, что язык состоит из абстракций (инвариантов), лишённых чувственной данности?** [журный наш. – А.Н.]» [14, с. 35].

(Тем не менее, отказывая инвариантам в праве на полноценное лингвистическое существование, В.М. Солнцев в заключении своей статьи оправдывает особое существование принципа инвариантности для лексического уровня языка, на котором в силу двусторонности словесных единиц вариативность менее релевантна, чем инвариантность.) И действительно, разрабатываемый нами антиязык и понимается состоящим из абстракций (инвариантов), которые в той или иной мере лишены чувственной данности в традиционном речевом воплощении. Здесь речь может идти о так называемой протосемиотичности, выражаемой в том, что постулируется некоторая инвариантная система, которая развешивается в нескольких вариантах, а суммирование последних может реконструировать самописание инвариантной системы на любом из вариативных языков. Если предположить, что инвариантный язык нельзя выразить на семиотическом уровне до процесса вариативности, то антиязык бросает вызов инвариантной асемиотичности, чтобы на примерах – классах антислов – показать досемиотический характер неденоминабельности и, в частности, отрицать инвариантность в пользу того, что не поддаётся как инвариантации, так и вариативности. Если антиязык рассматривает референтность, исходя из принципа неденоминабельности, означающего невозможность разыменования вещи, в том числе непоименованной, вплоть до её безымянного существования, то критика инвариантности должна состоять в том, чтобы полагать несуществующими те вещи, которые можно лишить имени до их безымянного несуществования.

Но вновь идём вслед за В.М. Солнцевым: «Если считать язык реальным средством общения, то вряд ли можно принять, что он лишён чувственной данности. Признать, что язык состоит из абстрактных единиц можно, на мой взгляд, только в рамках понимания языка как «системы классификации» (такова, например, концепция копенгагенской школы; в советской лингвистике об этом писал В.А. Звегинцев [13]). На мой взгляд, язык есть именно средство общения, а речь – применение, использование этого средства. Речь – это язык в действии, в функционировании. Поэтому язык состоит из того же, из чего состоит речь, – из конкретных экзemplаров языковых единиц, но представленных в виде множеств. Единицы языка – это классы (множества экзemplаров) вполне конкретных и чувственно воспринимаемых единиц. При переходе к речи используется одна из этого множества единиц. Что касается абстрактных единиц, то они лишь наименования этих классов. Они – «меры классификации». Эти наименования необходимы при лингвистическом воссоздании (моделировании) в описаниях языковых систем. Данно-

стью для лингвиста является речь, то есть функционирующий в виде речи язык. В каждом речевом акте используется, однако, лишь часть языковых средств. Для воссоздания (моделирования) объективной языковой системы, полностью представленной во всех актах речи, нужны обобщения (то есть образование абстракций) и классификации. При этом эмические единицы играют свою организующую роль. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал, что «лингвист не имеет перед глазами строя даже живых языков (хотя и слышит их звуки) и должен только через сопоставления и разные научные соображения составить себе о нём понятие...» [14]» [14, с. 35-36].

Последние слова В.М. Солнцева по сути ставят под сомнение всё им вышесказанное, так как моделирование объективной (анти)языковой системы действительно требует более (полит)корректного использования эмических терминов и толерантного отношения к ним со стороны этических терминов (почти каламбур). Чрезмерный приоритет в изучении речевых практик в ущерб исследованиям философских оснований языка и самой общей лингвистики отличает, прежде всего, сугубо сциентистский подход к языкознанию в качестве самой математизированной («математичной») и статизированной («статистичной») гуманитарной науки. Вот почему слова отечественного языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ как нельзя кстати говорят в пользу изучения не отдельных звуков или фонем, литоточно подменяя собой весь план языка, а всей лингвосферы в её инвариантах и вариантах, включая антиязыковую проблематику, рискующую в перспективе поставить в зависимость языковое бытование от антиязыкового.

В несколько переформулированном варианте позиция В.М. Солнцева выглядят так: «В силу восходящего к Фердинанду де Соссюру принципа линейности речи на одно место в речевой цепи может быть помещён только один экземпляр-вариант языковой единицы. Поэтому речь по своей природе вариантна, речевые произведения состоят из вариантов. Распространено мнение, что в отличие от речи язык состоит из инвариантов. Однако поскольку инварианты – это абстрактные сущности, то признать, что язык состоит из абстракций, можно только в рамках понимания языка как «системы классификации». Понимание языка как реального средства (орудия) общения, а речи как применения, использования этого средства заставляет считать, что **язык состоит из того же, из чего состоит речь – из конкретных экземпляров, но представленных в виде классов или множеств, названия которых, отображающие свойства этих множеств, и есть инварианты** [жирный наш. – А.Н.]. При переходе от языка к речи используются одни из экземпляров

этого множества» [9, с. 61]. В данном отрывке мы поместили жирным шрифтом слова о том, что сведение всего лишь названий языковых инвариантов к названиям классов или множеств, состоящих из конкретных языковых вариантов, на наш взгляд, слишком упрощает проблему онтологической стабильности языковых единиц, о чём в дальнейшем мы намерены заострить внимание и привести дополнительные аргументы. Другими словами, мы считаем, что инварианты не должны редуцироваться только к названиям классов или множеств, а должны быть представлены в качестве самостоятельных антиязыковых единиц, чей бытийный статус в языке вынуждает лингвистов использовать схоластический метод крайнего номинализма (универсалии как общие понятия – сотрясение воздуха), тогда как наш подход использует методы крайнего и умеренного реализма, а также умеренного номинализма, то есть концептуализма.

«Инварианты, будучи результатом осмысления и объединения объективных общих свойств разных рядов конкретных единиц, могут быть разной степени абстрактности (ср.: [17, с. 91], [18, с. 127], [19, с. 11]). Так, все экземпляры звука «а» позволяют вывести инвариант «фонемы А», ряд, образуемый «фонемой А», «фонемой Б» и т.д. позволяет вывести инвариант – «фонему вообще». Одна и та же конкретная единица может иллюстрировать инварианты разных степеней абстрактности. Так, словоформа «лампа» есть конкретный экземпляр-вариант (аллолекса, лекса) лексемы «лампа» (инвариант 1-й степени абстрактности), экземпляр-вариант существительного (2-я степень), экземпляр-вариант слова вообще (3-я степень)» [3, с. 81].

Что касается степеней абстрактности, то применительно к разбираемому нами примеру с фонемой <a>, воспользуемся также тем предельным уровнем абстракции, который упоминается В.М. Солнцевым в цитированной энциклопедической статье. Речь идёт о такой инвариантной языковой единице, как «фонема вообще» (ср.: [14, с. 37-38]), которая обобщает все фонемы всех естественных человеческих языков как в диахронии и синхронии, так и в ахронии / панхронии и футуроахронии. **Перечислим этот ряд по степени абстрактности (ср.: [14, с. 36], [20, с. 138-140]) на примере фонемы <a>** (для современного русского языка) (см.: [17, с. 92]):

- 1) фонема вообще;
- 2) конкретная фонема <a>;
- 3) конкретная фонема современного русского языка <a>;
- 4) гласная фонема <a>;
- 5) сильная гласная фонема <a> или архифонема <a> / гиперфонема <^a/_o>;

- б) фонема <a>;
- 7) аллофон [a] (вариант фонемы-инварианта <a>);
- 8) фон [a] (индивидуальный вариант аллофона-инварианта [a]).

Также стоит указать и на такое понятие, как гиперфонема: «Гиперфонема – это архифонема (слабая фонема), не приводимая в данной морфеме однозначно к одной из нейтрализованных фонем» [9, с. 597]. В отличие от архифонемы, понимаемой в качестве общей части нейтрализованных фонем, которые можно проверить, поставив морфему в сигнификативно сильную позицию, гиперфонема не может быть поставлена в такую позицию, и её статус, по нашему мнению, должен быть определён именно как антиязыковой – по крайней мере, при назывании – как антисловный. Например: «Гиперфонема <^a/_o>» (ср.: [9, с. 597]). Здесь называется даже не вариант гиперфонемы, а «как бы» (als ob) сама фонема, поскольку у неё по определению целых два варианта, составляющих одно целое («фонемная целокупность»?). Но что, собственно говоря, произносится при артикуляции данной архифонемы? Сам инвариант? Сама фонема? Или всё-таки вариант соответствующей гиперфонемы? Вопрос очень интересный. И нам кажется, что «произносится» (пускай и неудачным (речевым) способом) прежде всего фонема, которая в силу своей сущности, состоящей из двух вариантов, при озвучивании («офонемливание») действительно предстаёт конкретной фонемой («офонемливается»), однако в речи, тем не менее, снисходит на аллофонный уровень. Таким образом, можно предположить, что онтологический статус архифонемы располагается между абстрактной «фонемой вообще» и «конкретной фонемой» – например, <a> (вернее, после ещё нескольких уровней по нисходящей абстрактности).

Соответственно, полагаясь на антиязыковую методологию, можно вычленил такие классы антислов, как **инвариантологизмы** (для названий абстрактных языковых единиц – например, фонем) и **вариантологизмы** (для названий абстрактных речевых единиц – например, аллофонов фонем). В строгом (бытийном) смысле слова невозможно произнести как инвариантные, так и варианты абстрактные языковые и речевые единицы: «Это фонема <a>, а это аллофон фонемы <a> – [á]». Но что тогда мы произносим в своей речи? Здесь и нужно ещё раз закрепить тот статус артикулируемых (речевых) единиц, который мы именуем антисловным именно потому, что референтный план и план содержания таких абстрактных языковых и речевых единиц некогерентны плану выражения, а следовательно, будучи произнесёнными, они являются антиязыковыми единицами, то есть такими, которые, пребывая в определённом смысле метаязыковыми,

не могут быть выражены объект-языком – в речи, но могут и должны стать предметом изучения философии антиязыка в виде соответствующих классов антислов.

Однако можно ли применительно к антиязыковой системе согласиться со следующей интерпретацией вариантности / инвариантности: «Варианты и инварианты языковых единиц не образуют разных уровней языковой системы. В рамках одного уровня можно говорить о единицах как о вариантах и как об инвариантах. Фонема и фон, так же как и морфема и морф, принадлежат своим уровням (фонологическому и морфемному), соответственно обозначая единицы либо как классы (фонема, морфема), либо как члены классов (фон, морф)» [3, с. 81]? О чём принципиально здесь идёт речь? На наш взгляд, о том, что лингвисты не предпочитают сводить языковые факты к философским проблемам, а мыслят исключительно синхронически – речеведчески. Игра философов в языковые игры для общих теоретиков от языкознания выглядит чрезмерно абстрактной, если, согласно последним, всё можно свести и к чисто языковым, и к чисто речевым событиям. Но тогда почему бы не редуцировать инвариантные языковые и речевые единицы к особой антиязыковой материи, которая, будучи иерархически противопоставленной языковой, блюдет онтологическую инвариантность для всего естественного человеческого языка (включая мёртвые языки), питая (воязыковляя) собой наличную лингвосферу?..

Например, название той или иной инвариантности (инварианта) как название для одного из парадоксов Бертрана Рассела (например, о правильном каталоге всех каталогов) на антиязыковом уровне (в антисловном статусе) входит в состав названия антисловного класса, а в традиционной терминологии – в название (обозначение) самого класса вариантов, вследствие чего снимается парадоксальность парадокса, так как здесь смешиваются два языка – мета-язык и объект-язык, а в нашей терминологии – естественный анти-язык (инвариантный язык) и естественный язык. В отличие от языковых инвариантов как языковых названий классов или множеств, представляющих собой совокупность конкретных языковых вариантов, названия для классов антислов хотя иногда и могут быть сами антиязыковыми инвариантами (*антиязыковые универсалии*), но всё-таки являются обычными словами, тогда как названия конкретных антислов (вариантов) находятся в промежуточном состоянии между антиязыком и языком (и наоборот). Относительно названий классов антислов (для антиязыка) следует говорить о(б) (анти) языковых универсалиях, семиотически выверенных в перспективе постулирования универсально-

го языка (наподобие общей и рациональной грамматики Пор-Рояля).

Подведём предварительные итоги:

1) названия для инвариантных речевых и языковых единиц мы номинируем в качестве анτισлов, которые отсутствуют в обычном естественном языке, но, являясь, по существу, названиями классов или множеств, что отображают свойства этих классов или множеств и, как правило, непроизносимы, поскольку являются абстрактными названиями классов или множеств (по Солнцеву), очевидным образом присутствуют в антиязыке, пронизывая тем самым естественный язык посредством воязыковлениа (разантыязыковлениа) и воантыязыковлениа (разъязыковлениа) на соответствующих уровнях абстрактности;

2) мы номинируем следующие классы анτισлов: **инвариантологизмы** (для названий абстрактных языковых единиц – например, фонем) и **вариантологизмы** (для названий абстрактных речевых единиц – например, аллофонов фонем);

3) благодаря инвариантно-вариантному методу решается проблема перформативной парадоксальности – например, парадокс Рассела-Цермело [21] о правильном каталоге всех каталогов (формулировка парадокса может быть проинтерпретирована в качестве названия инварианта для класса или множества вариантов-экземпляров; процитируем ещё раз: **«В понятии инварианта отображены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами. Сам инвариант не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон, не «образцовый вариант». Инвариант – сокращённое название класса относительно однородных объектов. Как название инвариант имеет словесную форму существования. Каждый вариант-объект, принадлежащий данному вариантному ряду, несёт в себе инвариантные свойства, присущие каждому члену этого ряда, и может быть оценён как «представитель» данного инварианта»** [9, с. 60]. Таким образом, бытийный статус самой формулировки расселовского парадокса с позиции инвариантности имеет словесную форму, которая, однако, не существует как отдельный объект (элемент множества), а исключительно на метаязыковом уровне, правда, и особом: в нашей терминологии – антиязыковом, являясь «антисловосочетанием» (или даже «антисинтаксической единицей»); следовательно, сама формулировка расселовского парадокса с точки зрения принципа инвариантности / вариантности не входит во множество объектов-экземпляров – например, во множество каталогов, снимая парадоксальность, возникшую вследствие неразличения принципов вариантности и инвариантности).

Поднимая собственно номенклатурный вопрос о судьбе эмических и этических терминов, укажем на один хрестоматийный пример того, как неправильное использование терминов приводит к серьёзным недоразумениям вследствие того, что номиналистическая «бритва Оккама» на самом деле не работает, но создаёт иллюзию плодотворной методологической службы.

Антиязыковая трактовка принципа вариантности / инвариантности позволяет критически отнестись и к следующему тезису В.М. Солнцева: «Все единицы языка вариативны, то есть представлены в виде множества вариантов. Вариантное строение единиц языка обусловлено присутствием им свойством «экземплярности». Каждая единица существует в виде множества экземпляров, оставаясь при этом сама собой, подобно тому как одна и та же книга может быть размножена в бесчисленном количестве экземпляров. Само бытие отдельной единицы языка есть её варьирование, сосуществование множества её вариантов. В вариантности единиц языка проявляется вариантнo-инвариантнoе устройство всей языковой системы» [9, с. 61]. Однако если мы возьмём такой класс анτισлов, как **гапаксологизмы** (или **окказиологизмы**) (слова, которые обозначают слова, являющиеся исчезнувшими гапаксами; гапакс (от греч. «только раз названное») – единожды употреблённое слово-словоформа [22]), то увидим, что свойство «экземплярности» имеет своё исключение как раз на примере таких анτισлов. А в ситуации, когда невозможно удостовериться, является то или иное слово гапаксом, следует признать, что название «гапаксологизм» будет актуальным даже в том случае, когда доказательство статуса гапакса не вызывает индуктивного сомнения, но предполагает анτισловную погрешность, менее выраженную по сравнению с праформологизмами (словами, которые обозначают слова, являющиеся праформами – реконструированными словоформами).

В соответствии с нашим пониманием философия антиязыка именуется не то, что нельзя поименовать на естественном языке, который будто бы несподручен для данной номинации, а то, что действительно нельзя выразить без потери смысла. Антиязыковая номинация – это номинация в отсутствии антиязыкового носителя, который может исказить воязыковлениа того или иного анτισлова. С другой стороны, антиязык представляет собой не столько совокупность классов анτισлов, благодаря которым подлежащее полному или частичному воязыковлениа ещё не осуществлено, сколько такой *вездесущностный язык*, благодаря которому можно поименовать всё без исключений. Философия антиязыка укоренена в глубине самого языка, но не осознаётся его носителями («реальное самозаб-

вание языка» – по Георгу Гадамеру), включая языковедов, которые готовы подменить философию языка – **философией языкознания**, а лингвистику бытия – **лингвистической онтологией**.

В заключении наших долгих рассуждений и ссылок на первоисточники вернёмся к статье советского языковеда А.С. Чикобавы «Язык и «теория языка» в философии и лингвистике», в которой автор дал чёткие критерии по разграничению предметных областей: «Философия языка («теория языка в философии») не может игнорироваться лингвистикой, наоборот, должна учитываться с возможной полнотой – хотя бы потому, что теория языка в лингвистике испытывает немалое влияние философии языка.

Но учитывая философские теории языка, следует отличать «теорию языка в философии» от лингвистической теории языка.

Философия языка – это органическая часть философии, более всего связанная с теорией познания.

Лингвистическая теория языка – органическая часть общей лингвистики, которая, естественно, должна опираться на исследовательскую практику по анализу возможно большего количества различных по структуре и происхождению языков, с тем чтобы критическое обобщение добытых результатов использовать в свою очередь для уточнения и углубления анализа богатейшего мира языковой действительности. <...>

Философия изучает «язык» (в его сущности). Лингвистика изучает (обязана изучать!) языки во всём их многообразии, которое предусмотреть а priori невозможно. Философия языка строится дедуктивно.

Для лингвистики путь индукции неизбежен. (Универсалии, добытые в путях дедуктивного анализа, конечно же, следует приветствовать, если только они окажутся синтетическими суждениями,

будут касаться существенного и действительно обладать универсальной значимостью.)» [4].

Исходя из этого растождествления «философии языка» и «лингвистической теории языка», можно сделать вывод о том, что развиваемая нами философия антиязыка, проблематизирующая онтологический статус слов естественного человеческого языка, находится на стыке обеих дисциплин, а также в тесной связи с лингвистической философией (как части аналитической философии, начиная с логического позитивизма Венского кружка), логическим анализом языка и философскими проблемами языкознания. И всё-таки, несмотря на столь обильное междисциплинарное поле, нам хочется обосновать такую специализированную философско-лингвистическую концепцию, как философия антиязыка, **предметом которой является изучение оснований и пределов семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антиязыка** (см.: [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30]).

В самом деле, подобного рода прецеденты в истории лингвистической и философской науки были, есть и будут. Достаточно, на наш взгляд, упомянуть такие области исследований на стыке лингвистики и психологии, как психолингвистика, и на стыке лингвистики и социологии, как социолингвистика. В условиях специализации и фрагментации научного знания имеется насущная задача в синтезировании разрозненных исследовательских областей на основе новой перспективной методологии – антиязыковой.

Методологически солидаризируясь с позицией А.С. Чикобавы, отметим, что разработка «философии антиязыка» на стыке философии и языкознания, позволит по-новому поставить онтологические, гносеологические и методологические проблемы обеих наук, фундаментально расширив горизонты человеческого сознания.

Список литературы:

1. URL: http://www.countries.ru/library/semiotic/two_realities.htm.
2. URL: <http://ivangogh.livejournal.com/2168546.html>.
3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.
4. Чикобава А.С. Язык и «теория языка» в философии и лингвистике // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 6. М., 1973. С. 428–438. (URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/chikobava-73.htm>).
5. Абаев В.И. Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 6. М., 1973. С. 524–529. (URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/abaev-73.htm>).
6. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков, 2003.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / Ин-т философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет: В.С. Стёпин (пред. совета) и др. М., 2010.
8. Гайденок П.П. Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. М., 2001.
9. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1998.
10. Степанова С.Б., Асиновский А.С., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю. Звуковая реальность словоизменительных аффиксов (по данным звукового корпуса русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9(16). М., 2010. 692 с. С. 491-498. (URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/72.htm>).

11. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%EE%F0%EC%E0%ED%F2%E0>.
12. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М., 2008.
13. Соломоник А.Б. Язык как знаковая система. 2-е изд. М., 2010.
14. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31-42.
15. URL: http://www.countries.ru/library/semiotic/two_realities.htm.
16. Кто сегодня делает философию в России. Том III / Авт.-сост. А.С. Нилогов. М., 2015.
17. Илларионов С.В. Гносеологическая функция принципа инвариантности // Вопросы философии. 1968. № 12. С. 89-95.
18. Овчинников Н.Ф. Принципы сохранения. М., 1963.
19. Уёмов А.И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.
20. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 138-140.
21. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%F0%E0%E4%EE%EA%F1_%D0%E0%F1%F1%E5%EB%E0.
22. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%E0%EF%E0%EA%F1>.
23. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб., 2013.
24. Нилогов А.С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 266-274.
25. Нилогов А.С. Антиязык как ясновидение в бессловесной коммуникации Д.Г. Беннета // Психология и психотехника. 2015. № 1. С. 92-103.
26. Нилогов А.С. Сплю, следовательно, существую // Психология и психотехника. 2015. № 4. С. 373-382.
27. Нилогов А.С. Психология и философия антиязыка (на материале монографии И.А. Бесковой «Природа сновидений») // Психология и психотехника. 2015. № 6. С. 588-601.
28. Нилогов А.С. «Философия имени» Н.С. Булгакова сквозь призму философии антиязыка // Философия хозяйства. 2015. № 4. С. 212-219.
29. Нилогов А.С. Антиязыковая методология на службе у генеалогии // Генеалогический вестник. 2015. № 51. С. 64-75.
30. Нилогов А.С. Что такое философия антиязыка? // Философия и культура. (В печати).

References (transliteration):

1. URL: http://www.countries.ru/library/semiotic/two_realities.htm.
2. URL: <http://ivangogh.livejournal.com/2168546.html>.
3. Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V.N. Yartseva. 2-e izd. M., 1998.
4. Chikobava A.S. Yazyk i «teoriya yazyka» v filosofii i lingvistike // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. T. XXXII. Vyp. 6. M., 1973. S. 428-438 (URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/chikobava-73.htm>).
5. Abaev V.I. Obshchegumanitarnye aspekty teoreticheskogo yazykoznanija // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. T. XXXII. Vyp. 6. M., 1973. S. 524-529 (URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/abaev-73.htm>).
6. Khaidegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. Khar'kov, 2003.
7. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3 / In-t filosofii Rossiiskoi akad. nauk, Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond; nauch.-red. sovet.: V.S. Stepin (pred. soвета) i dr. M., 2010.
8. Gaidenko P.P. Foma Akvinskii. Ontologiya i teoriya poznaniya: fragmenty sochinenii. M., 2001.
9. Russkii yazyk. Entsiklopediya / Gl. red. Yu.N. Karaulov. 2-e izd., pererabot. i dop. M., 1998.
10. Stepanova S.B., Asinovskii A.S., Ryko A.I., Sherstinova T.Yu. Zvukovaya real'nost' slovoizmenitel'nykh affiksov (po dannym zvukovogo korpusa russkogo yazyka // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 26-30 maya 2010 g.). Vyp. 9(16). M., 2010. 692 s. S. 491-498. (URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/72.htm>).
11. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%EE%F0%EC%E0%ED%F2%E0>.
12. Riker P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike / Per. s fr., vступ. st. i komment. I.S. Vdovinoi. M., 2008.
13. Solomonik A.B. Yazyk kak znakovaya sistema. 2-e izd. M., 2010.
14. Solntsev V.M. Variativnost' kak obshchee svoistvo yazykovoi sistemy // Voprosy yazykoznanija. 1984. № 2. S. 31-42.
15. URL: http://www.countries.ru/library/semiotic/two_realities.htm.
16. Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. Tom III / Avt.-sost. A.S. Nilogov. M., 2015.
17. Illarionov S.V. Gnoseologicheskaya funktsiya printsipa invariantnosti // Voprosy filosofii. 1968. № 12. S. 89-95.
18. Ovchinnikov N.F. Printsipy sokhraneniya. M., 1963.
19. Uemov A.I. Veshchi, svoistva, otnosheniya. M., 1963.
20. Gegel' G.V.F. Kto myslit abstraktno? // Voprosy filosofii. 1956. № 6. S. 138-140.
21. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%F0%E0%E4%EE%EA%F1_%D0%E0%F1%F1%E5%EB%E0.
22. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%E0%EF%E0%EA%F1>.
23. Nilogov A.S. Filosofiya antiyazyka. SPb., 2013.
24. Nilogov A.S. Antiyazykovaya nominatsiya bol'shikh chisel (V nachale bylo Chislo, i Chislo bylo u Boga, i Chislo bylo Bog) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 3. S. 266-274.
25. Nilogov A.S. Antiyazyk kak yasnovidenie v besslovesnoi kommunikatsii D.G. Benneta // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 1. S. 92-103.
26. Nilogov A.S. Splyu, sledovatel'no, sushchestvuyu // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 4. S. 373-382.
27. Nilogov A.S. Psikhologiya i filosofiya antiyazyka (na materiale monografii I.A. Beskovoi «Priroda snovideniya») // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 6. S. 588-601.
28. Nilogov A.S. «Filosofiya imeni» N.S. Bulgakova skvoz' prizmu filosofii antiyazyka // Filosofiya khozyaistva. 2015. № 4. S. 212-219.
29. Nilogov A.S. Antiyazykovaya metodologiya na sluzhbe u genealogii // Genealogicheskii vestnik. 2015. № 51. S. 64-75.
30. Nilogov A.S. Chto takoe filosofiya antiyazyka? // Filosofiya i kul'tura. (V pechati).